

других – к изменению своих позиций в сторону враждебности по отношению к СССР. Многие организации и лица, с которыми ранее работало Общество, стали отворачиваться от дальнейшего сотрудничества. Активность ОКС также снижалась. В 1939 г. практически не работали музыкальная и медицинская секции [37, л. 124]. Прекратили существование и ряд отделений организации. На протяжении второй половины 1939 г. действовало только 4 филиала из 15, существовавших в 1935 г.: в Оксфорде, Бристоле, Кардифе и Эдинбурге, число мероприятий, проводимых ими, было незначительным [13, л. 121].

Кроме того, Обществом были получены заявления со стороны отдельных рядовых членов ОКС, причем некоторые прямо указывали то, что выходят из общества в виду несогласия с позицией, занятой Советским Союзом во внешней политике, другие резко подчеркивали свою враждебность к СССР, обвиняя его в дружбе с Германией и измене демократическим странам [10, л. 120]. Всего из состава Общества в связи с пактом выбыло около 10 человек [10, л. 120].

Но, по данным британской исследовательницы Эмили Луго, которая опирается на годовые отчеты английского Общества, вопреки всему, членство в ОКС существенно не пострадало и оставалось около 1300 человек, при этом в 1939 г. из Общества вышел только 41 член, а вступило в общество 153 члена [1, р. 159]. Более того, в годовом отчете ОКС за 1940 г. было записано 25 крупных мероприятий, поведенных ОКС, включая 2 концерта в Королевском зале и выпуск Англо-советского журнала [2, р. 29].

Таким образом, Общество культурных связей с СССР в Великобритании являлось существенным элементом институциональных основ Англо-советского гуманитарного сотрудничества, опиралось на неподдельный интерес английской интеллигенции к советскому эксперименту, активную поддержку антифашисткой направленности советской внешней политики, ориентировалось в первую очередь на средние слои английской интеллигенции, стремилось к определенной аполитичности в своей работе. Хотя избежать политизированности так и не смогло, причиной тому являлось довольно существенное влияние Советского Союза, в частности, Все-союзного общества культурной связи с заграницей, через которое проводились в жизнь установки советского руководства по созданию внешнеполитического имиджа Советского Союза за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lygo, E. Promoting Soviet cultural in Brinain: the history of the Society for Cultural relation between the peoples of the British commonweals and the USSR, 1924 – 1942 / E. Lygo // The Modern Language Review. – 2013. – Vol. 8, No 2. – P. 571 – 596.
2. Todd, J. SCR 1937 – 1952 / J. Todd // The Anglo-Soviet Journal. – 1967. – October. – P. 28–32.
3. ВОКС в 30-е – 40-е гг. / Публикация А. В. Голубева и В. А. Невежина // Минувшее: исторический альманах. – М. : Спб.: Athenem: Феникс, 1993. – Т. 14. – С. 313–364.
4. ВОКС. Факты и цифры / ВОКС. – М. : ВОКС, 1930. – 64 с.
5. Голубев, А. В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур : сб. ст. / редкол.: Ю. С. Борисов (отв.ред) [и др.]. – М. : Издат. Центр ИРИ РАН, 1997. – С. 259–271.
6. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 159.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 457.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 725.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 274.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 1119.
11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 909.
12. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 882.
13. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп.3. Д.191.
14. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп.3. Д. 577.
15. Кузьмин, М. С. Английское общество культурной связи с СССР / М. С. Кузьмин // Вопросы истории. – 1966. – № 2. – С. 204 – 206.
16. Кузьмин, М. С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917 – 1932) / М. С. Кузьмин – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 148 с.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ В 1939 Г. И ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО РУКОВОДСТВА

Мигун Д.А. (г. Минск, Беларусь)

В этом году человечество отметит скорбную дату, связанную с 80-летием начала Второй мировой войны. Собираются отметить ее и в Польше. Но это мероприятие рассматривается нынешним политическим руководством Польши как крайне политизированное и носящее ярко выраженный русофобский характер. Так недавно министр иностранных дел Польши Яцек Чапутович объяснил, почему Россию, внесшую неоценимый вклад в разгром фашистской Германии и спасшую Польшу и поляков от уничтожения не пригласили на сентябрьские мемориальные мероприятия к 80-летию начала Второй мировой войны. По словам Чапутовича, РФ не получила и не получит приглашения, ведь отметить дату хотят "в европейском кругу" [1]. Польский министр также указал

на то, что в 1939 году именно Россия развязала руки Адольфу Гитлеру [1].

"Приглашены государства НАТО, Европейского Союза и Восточного партнерства. Мы хотим отмечать эту дату в нашем, европейском кругу. Также дело в том, что 1 сентября 1939 года Россия не была стороной войны, разве что в контексте пакта Риббентропа-Молотова, который в определенном значении развязал Гитлеру руки. Россия вступила в войну 17 сентября в качестве союзника Гитлера, совершив агрессию против Польши. В январе 2020 года мы будем отмечать 75-ю годовщину освобождения концлагеря Аушвиц, в этом случае визит российской делегации будет приемлемым", – заявил Чапутович[1].

А так ли это на самом деле? Давайте в преддверие 80 летия начала Второй мировой войны еще раз внимательно посмотрим на позицию польского руководства которую оно заняло в отношении попыток создания системы коллективной безопасности в Европе, которую намеревались в 1939 г. создать СССР, Англия и Франция.

В конце апреля – начале мая 1939 г. в Кремле Сталиным было принято решение о смене внешнеполитического курса в отношении Германии и стран Запада. 3 мая И. В. Сталин взамен М. М. Литвинова назначил народным комиссаром иностранных дел СССР более влиятельного политика – председателя СНК В. М. Молотова [2, с. 424], который стал проводить в отношении Германии новую линию.

15 июня 1939 г. в Москве В. М. Молотов начал переговоры с британским послом У. Сидсом и французским послом П. Наджаром, продолжавшиеся до начала августа. О ходе этих переговоров и атмосфере, царившей там, красноречиво свидетельствует «Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции» от 17 июля 1939 г. Там говорится: «... Остается разногласие о формулировке, определяющей понятие „косвенная агрессия“, так как в этом вопросе наши партнеры прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным уверткам. Мы настаиваем также на том, что военная часть есть неотъемлемая составная часть военно-политического договора, каким является проект обсуждаемого договора, и категорически отклоняем англо-французское предложение о том, чтобы прежде договориться о „политической“ части договора и только после этого перейти к военному соглашению. Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора. Вам понятно, что без совершенно конкретного военного соглашения, как составной части всего договора, договор превратился бы в пустую декларацию, на которую мы не пойдём. Только жулики и мошенники, какими проявляют себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут, прикидываясь, делать вид, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашений является в переговорах чем-то новым, а в прессе пустили даже утку, что мы требуем будто бы военного соглашения предварительно, т. е. до заключения политического соглашения. Непонятно только, на что они рассчитывают, когда пускаются в переговорах на такие неумные проделки. Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя» [3, с. 139-140].

Переговоры Молотова с английским и французским послами ни к чему ни привели. По образному выражению, они «топтались на месте». Начавшиеся 12 августа 1939 г. в Москве советско-англо-французские переговоры военных миссий также ни к чему не привели и закончились полной неудачей.

Г. К. Жуков в своих мемуарах упоминает, что в секретных переговорах военных миссий СССР, Англии и Франции в августе 1939 г. «отчетливо отразилась та серьезность и ответственность, с которой Советское правительство стремилось к созданию коллективной безопасности в Европе» [4, с. 191]. Однако, как далее отмечает Г. К. Жуков, в отличие от СССР «... Англия и Франция прислали на переговоры деятелей второстепенных, опять таки для прощупывания, зондажа, без искренней заинтересованности в успехе военного сотрудничества» [4, с. 191]. Посол Германии в Англии Г. Дирксен в своем донесении статс-секретарю министерства иностранных дел Э. Вайцзеккеру от 1 августа 1939 г. в Берлин сообщал: «... Военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения» [5, с. 117].

Из «Секретной инструкции для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции» от 2 августа 1939 г. следует, что «... правительство Англии не желает брать на себя какие-либо определенные обязательства, которые могут развязать ему руки. Миссии поручалось вести переговоры весьма медленно, с русскими обращаться сдержанно, в отношении военного соглашения стремиться к тому, чтобы ограничиться общими формулировками» [3, с. 166-193].

На причины подобной позиции английской и французской сторон в какой-то степени может пролить свет содержание одного из частных писем лидера консервативного правительства Великобритании Невилла Чемберлена. Данный документ приводит в своих мемуарах У. Черчилль. Н. Чемберлен замечает: «... Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я несколько не верю в ее способность провести действенное наступление, если бы даже она этого хотела. Я также не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она только хочет посорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением» [6, с. 188].

Как отмечает В. Я. Сиполс: «... министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс 4 июля 1939 г. ставил на заседании внешнеполитического комитета британского правительства вопрос о прекращении московских переговоров. В конце концов, он все же высказался за то, чтобы переговоры пока не срывать, но по-

прежнему был против заключения с СССР действительно эффективного пакта. Задачу английской дипломатии он видел в том, чтобы «предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией» [7, с. 29].

Однако в последнее время в современной российской исторической науке появились новые подходы к данному вопросу. Так, С. З. Случ сообщает: «... В 1992 г. стали известны секретные инструкции главе советской военной делегации маршалу К. Е. Ворошилову, написанные им под диктовку Сталина» [8, с. 584]. По мнению С. З. Случа, «все пункты этого документа были последовательно нацелены на то, как сорвать переговоры, возложив затем ответственность за неудачу на западные делегации и направившие их правительства» [9, с. 15]. С. З. Случ отмечает, что это позволяет утверждать: «... Жесткая привязка вопроса о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии с достижением какого-либо соглашения на англо-франко-советских военных переговорах. Поскольку ответ на этот вопрос в Кремле был известен давно, то есть серьезные основания полагать, что секретная инструкция главе советской военной делегации во многом проясняет, почему трехсторонние военные переговоры в Москве закончились неудачей» [9, с. 15].

В ходе этих переговоров предполагалось заключить военную конвенцию и пакт о взаимной помощи. На заседании 21 августа советская делегация поставила главный вопрос: «каким образом вооруженные силы СССР смогут войти в соприкосновение с немецко-фашистскими войсками в случае нападения Германии на Францию, Польшу или Румынию» [10, с. 394]?

Английские и французские миссии не были готовы к обсуждению этого вопроса. Переговоры зашли в тупик и были прерваны, поскольку они подтвердили безнадежность заключения с Англией и Францией пакта о взаимопомощи и военной конвенции.

Что касалось позиции польского руководства, то оно отказалось пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза. Известно, что в августе 1939 г. польское правительство располагало достоверными данными о готовившемся немецком вторжении. Тем не менее «начальник генерального штаба польской армии генерал В. Стахевич заявил 20 августа 1939 г. английскому военному атташе, что не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу» [11, с. 382].

Как четко явствует из «Интервью главы советской военной миссии К.Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции», данного им корреспонденту газеты «Известия» от 27 августа 1939 г. «...Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому, как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и Советские Вооруженные Силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженным и силам и Франции и Англии, если он и не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР. Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран. В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры» [3, с. 342-343].

Сегодня уже достоверно известно о том, что начав переговоры с СССР, в Англии правительство Невилла Чемберлена стало думать о дальнейших переговорах с Гитлером [11, с. 385]. Но пойти открыто на такой шаг они не могли, так как в Англии на тот момент, наряду со сторонниками, было также немало и противников Гитлера. Но все же такие переговоры было предложено начать в начале июля 1939 г. Они проводили в традиционной английской манере, не на прямую с официальными лицами, а посредством контактов с представителями бизнеса [3, с. 141]. Конечно же, все эти «политические игры» попали в поле зрения полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского. В своей телеграмме в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 24 июля 1939 г. он сообщал: «...Премьер делает сейчас отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств по гарантии Польшеи одновременно оживить свою прежнюю политику «умиротворения». В этих целях английское правительство продолжает усиленно давить на польское правительство, рекомендуя ему «умеренность» в вопросе о Данциге. Одновременно в отношении Германии проводится политика кнута и пряника: с одной стороны, мобилизация британского флота, военно-воздушная демонстрация во Франции (и, вероятно, в ближайшее время в Польше), а с другой стороны, «личные беседы» Хадсона с Вольтатом в Лондоне о возможности предоставления Германии грандиозных международных займов до миллиарда фунтов, если Гитлер серьезно откажется от «агрессивных намерений» (читай; оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку)» [3, с. 144-145]. В свете проводившихся в это время переговоров в Москве с представителями Англии и Франции политика Англии выглядит весьма интересно. Далее И. М. Майский сообщал: «...Имеются достоверные сведения, что через посредство неофициальных эмиссаров Чемберлен сейчас нащупывает у Гитлера возможность «урегулирования» или, по крайней мере, отсрочки обострения данцигской проблемы. Если ему это удастся, отпадет необходимость в быстром завершении англо-советских переговоров» [3, с. 144-145].

В конечном итоге переговоры, которые СССР проводил с Англией и Францией о взаимодействии на случай войны, проходившие в Москве весной-летом 1939 г., оказались в тупике. Такое стечение обстоятельств в конечном итоге привело к дальнейшей активизации германо-советских контактов на высшем уровне. Тем более, что германское руководство на протяжении 1939 г. не раз ставило перед советским руководством вопрос о принятии для переговоров министра иностранных дел И. Риббентропа. 20 августа оно вновь поставило вопрос о приезде в Москву Риббентропа. На этот раз советская сторона дала согласие на приезд Риббентропа и на переговоры с германской стороной [12, с. 54].

Риббентроп прилетел в Москву 23 августа 1939 г. на личном самолете Гитлера. После сложных многочасовых переговоров между Сталиным, Молотовым и Риббентропом уже около полуночи договор о ненападении и секретный протокол к нему были подписаны [8, с. 630-632]. Подписание этих документов открывало новый этап в германо-советских отношениях, продлившийся до 22 июня 1941 г.

Таким образом, утверждение о том, что именно заключение советско-германского договора о ненападении предопределило агрессию Германии против Польши, не соответствует действительности. Принципиальное решение об агрессии было принято в Берлине намного раньше до подписания «пакта Молотова-Риббентропа».

Подготовка к нападению на Польшу была начата в апреле 1939 года. 3 апреля верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) подготовило проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939 – 1940 годы», который был утвержден Гитлером 11 апреля. В соответствии с этим документом польская война планировалась как локальная кампания, в которую не будут вовлечены остальные державы. К моменту подписания «Директивы» нацистское руководство предполагало, что Англия и Франция вступятся за Польшу не станут, а от Советского Союза Польша помощь никогда не примет [13, с. 77].

23 мая можно считать окончательной датой принятия нацистским руководством принципиального решения о войне против Польши. Однако дата начала войны назначена не была; для этого Берлину, по-прежнему планировавшему боевые действия против Польши как локальный конфликт, следовало добиться политической изоляции Варшавы.

Немецкие войска уже были готовы к нападению, когда 25 августа 1939 г. стало известно о подписании польско-британского договора о взаимопомощи. Для Берлина это был серьезный удар: получалось, что Лондон собирается вступиться за Варшаву. Приказ о нападении на Польшу был отменен, после чего последовала новая серия дипломатических контактов между Берлином и Лондоном. Ситуация прояснилось, когда Лондон 28 августа 1939 г. передал через Муссолини в Берлин информацию о том, что «если урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков «коридора» Германии то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны» [13, с. 81].

ЛИТЕРАТУРА

1. В Польше напомнили РФ, что она помогла развязать Вторую мировую войну // ZN, UA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zn.ua/WORLD/v-polshe-napomnili-rf-chto-ona-pomogla-razvyazat-vtoruyu-mirovuyu-voynu-321893_.html. – Дата доступа: 28.06.2019.
2. Год кризиса. 1938–1939: док. и материалы: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / А. П. Бондаренко [и др.]. – 1990. – 555 с.
3. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 2: Январь – август 1939 г. / А. П. Бондаренко [и др.]. – 1981. – 415 с.
4. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. / Г. К. Жуков. – М.: Олма-пресс, 2002. – Т. 1. – 2002. – 415 с.
5. Документы и материалы кануна второй мировой войны: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. – Т. 2: Архив Дирксена (1938–1939 гг.). – 1948. – 287 с.
6. Черчилль, У. Вторая мировая война: Надвигающаяся буря. Адольф Гитлер. Сумерки войны. Национальная коалиция. Битва за Англию; Воспоминания. Мемуары / У. Черчилль; пер. А. И. Усачевой. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. – 576 с.
7. Сиполс, В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941 / В. Я. Сиполс. – М.: Междунар. отношения, 1997. – 448 с.
8. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / М-во иностр. дел Российской Федерации. – М.: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. / В. Г. Комплектов [и др.]. – 1992. – 712 с.
9. Случ, С. З. Внешняя политика СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Образы советской историографии. Обзор советской историографии (1985–1991) / С. З. Случ // СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / [отв. ред. и сост. С. З. Случ]: Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 26–188.
10. Европа в международных отношениях 1917–1939: сб. науч. ст. / Ин-т всеобщей истории Акад. наук СССР; редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М., 1979. – 440 с.
11. История внешней политики СССР. 1917–1985: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. – 5-е изд. – М.: Наука, 1976. – Т. 1: 1917–1945 гг. / ред. А. А. Громыко [и др.]. – 1986. – 536 с.
12. СССР – Германия. 1939–1941: сб. док. / сост.: Ю. Фальштинский. – Нью-Йорк: Телекс, 1989. – 192 с.
13. Дюков, А. Р. «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах / А. Р. Дюков. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – 176 с.